

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.075-084

Л. А. Зашляпин
Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Идеология недопустимости показаний подозреваемого

Резюме. Аксиоматично правило «при производстве следственных действий нарушение законности неприемлемо». Соответствие процессуальных процедур этому принципу — императивное условие производства по уголовному делу. Законность определяет порядок следственных действий. Законность и порядок задают эталонную процессуальную форму получения доказательств, которая в состязательном и следственном типах процесса влечет различающееся процессуальное содержание. Это определяет различия в правилах, используемых для оценки личных доказательств. Указанное связано с идеологическими установками, заложенными в конструкцию закона.

В советском законе форма допросов связывалась с целью достижения истины, детерминирующей деятельность почти всех участников судопроизводства. Из этого следовало, что недифференцированные действия основных участников производства были приемлемыми для достижения истины, а получаемые доказательства допустимыми. Целевая установка на стремление следователя к истине предполагала допустимость использования им вопросов обвинительной этимологии при получении показаний подозреваемого. В современном законе реализуется принцип состязательности. Законный порядок в этом случае образуется деятельностью двух сторон, при этом сторона защиты первой инициирует вопросы подозреваемому, что есть элемент надлежащей формы получения показаний подозреваемого, используемой при их оценке. Формирование доказательств завершается их исследованием по критерию допустимости в судебном разбирательстве. До момента опровержения презумпции невиновности все представленные стороной обвинения доказательства являются недопустимыми. Доказывая вину, обвинитель доказывает и качество представляемых им доказательств. Таким образом, качество допустимости доказательств приобретает одновременно с вступлением в силу презумпции истинности приговора.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; подозреваемый; допрос; показания; допрос подозреваемого; показания подозреваемого; оценка показаний; допустимость показаний; допустимость

Для цитирования: Зашляпин Л. А. Идеология недопустимости показаний подозреваемого. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 3. С. 75–84. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.075-084

Ideology of Inadmissibility of the Suspect's Testimony

Leonid A. Zashlyapin
Northwest Branch,
Russian State University of Justice
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The following rule is axiomatic: «in the course of investigative actions, violation of the rule of law is unacceptable.» Compliance of procedural procedures with this principle is an imperative condition of criminal proceedings. Legality determines the order of investigative actions. Legality and order set the standard procedural form of obtaining evidence that in the adversarial and investigative types of the process entails differing procedural content. This defines the differences in the rules used to evaluate personal evidence due to the ideological attitudes embedded in the construction of the law.

© Зашляпин Л. А., 2024

In Soviet law, the form of interrogation was associated with the goal of achieving the truth, which determines the activities of almost all participants in the proceedings. Consequently, undifferentiated actions of the main participants in court proceedings were acceptable to achieve the truth, and the evidence obtained was admissible. The aim of the investigator's pursuit of the truth assumed that it was permissible for him to use questions of accusatory etymology when receiving the testimony of a suspect.

The adversarial principle is implemented in modern law. In this case, the legal order is formed by two parties with the defense initiating questions to the suspect, which is an element of the proper form of obtaining the testimony of the suspect used in their assessment. The formation of evidence is completed by their examination according to the criterion of admissibility in court proceedings. Until the moment of rebuttal of the presumption of innocence, all evidence presented by the prosecution is inadmissible. By proving guilt, the prosecutor proves the quality of the evidence presented by the prosecution. Thus, the quality of admissibility of evidence is acquired simultaneously with the entry into force of the presumption of the validity of the verdict.

Keywords: criminal procedure; criminal proceedings; suspect; interrogation; testimony; interrogation of the suspect; testimony of the suspect; assessment of testimony; admissibility of testimony; admissibility

Cite as: Zashlyapin LA. Ideology of Inadmissibility of the Suspect's Testimony *Lex russica*. 2024;77(3):75-84. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.075-084

Введение

Описание свойств уголовно-процессуальных доказательств чаще всего осуществляется в положительной коннотации, в которой учеными-процессуалистами акцентируется внимание на понимании допустимости показаний, анализируются правила о допустимости показаний, что также требует положительно ориентированной методики научной деятельности и влечет выводы, отвечающие цели исследования о допустимости доказательств¹.

В настоящей работе мы инверсируем задачу и попытаемся рассмотреть проблему недопустимости показаний подозреваемого, учитывая фактор идеологии. Инверсия с «допустимости» на «недопустимость» видится весьма значимой, позволяет гармонизировать свойство недопустимости показаний подозреваемого с презумпцией невиновности подозреваемого и другими уголовно-процессуальными регуляторами, а микширование данного ракурса исследования с идеологией создает элемент новизны, позволяя погрузиться в контекст эволюции

статуса подозреваемого и правил об оценке его показаний.

Актуальность обращения к выбранной тематике базируется на критике И. А. Зинченко высказанных нами суждений о вопросах в допросе подозреваемого (показаниях подозреваемого), масштабируемых на все уголовное судопроизводство, используемых в процедуре оценки личных доказательств, и предложении Л. А. Воскобитовой рассматривать уголовно-процессуальный закон и практику его применения с учетом идеологических факторов². В связи с этим можно полагать, что предметное знание настоящей статьи в некоторой части следует уже сформулированным в науке уголовного процесса идеям. В современной российской юриспруденции исследовалась корреляция идеологии и оценки свойств доказательств. Так, В. В. Терехин обосновывает стандарты доказывания в уголовном судопроизводстве с опорой на идеологию³. Отличие нашей работы состоит в том, что ее объектной областью является недопустимость показаний именно подозреваемого, а идеологический фактор рассматри-

¹ См.: *Матвеев С. В.* Актуальные проблемы допустимости показаний несовершеннолетних свидетелей в уголовном и гражданском судопроизводстве России // *Lex russica* (Русский закон). 2006. Т. 65. № 5. С. 936–942.

² См.: *Зинченко И. А.* Заметки по поводу дискуссий об основаниях, влекущих недопустимость показаний в уголовно-процессуальном праве // *Российский следователь*. 2023. № 6. С. 20–24; *Воскобитова Л. А.* От идеологии ведомственных интересов к идеологии Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 1 (45). С. 18–21.

³ См.: *Терехин В. В.* Идеологические нюансы формирования и применения стандарта допустимости доказательств в уголовном процессе // *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 1 (45). С. 48–54.

ваются в контексте изменения идеологических норм советского и настоящего периодов.

Современное правоведение по-разному определяет роль правовой идеологии. Одни авторы следуют консервативным идеям и отстаивают необходимость заимствования для конструирования законодательства архетипов правосознания прошлого⁴, другие, базируясь на положениях Конституции Российской Федерации 1993 г., настаивают на реализации в уголовном судопроизводстве основополагающих конституционных принципов и формировании синхронизированной с ними правовой идеологии, без которой «*уголовное судопроизводство обречено на усиление кризисных явлений и бесконечное противопоставление интересов, представлений и мнений различных групп процессуалистов (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Л. З.)*»⁵. В обоих случаях идеология признается фактором юридической науки и правотворческой деятельности. Данное обстоятельство исходит из гипотезы и состоит в том, что идеологический посыл может определять недопустимость показаний подозреваемого, коррелируясь с различными правовыми идеалами: теми, которые были присущи советскому периоду правопонимания, и теми, которые перспективно заданы действующей Конституцией РФ.

Основная часть

Ориентируясь на указанную выше гипотезу, полагаем, что для формирования научной позиции о недопустимости показаний подозреваемого необходимо учитывать нормативные правила и теоретические подходы, существовавшие в период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. Связано это с тем, что правосознание представителей действующего в науке поколения, к которому относится и автор настоящей статьи, отчасти находилось под консервативным воздействием данного закона и доктринальных установок, соответствующих ему. Учителя и наставники современных представителей науки уголовного процесса формировали свое правосознание в этот период, следовали ему при обучении и воспитании следующего поколения. Свойство консервативности

правосознания, таким образом, объективно воспроизводится в отечественном правоведении.

В УПК РСФСР 1923 г. статус подозреваемого упоминается в статье 99, согласно которой подозреваемый мог опрашиваться органами дознания, и в статье 102, предусматривающей возможность допроса подозреваемого органами дознания по делам, в которых производство предварительного следствия обязательно. Показания подозреваемого, однако, в качестве доказательства советским законодателем не рассматривались (ст. 58), но по усмотрению суда был возможен неформализованный допуск любых данных в качестве доказательств (ст. 57), что могло относиться и к показаниям подозреваемого.

Указанная нормативная база идеологически тяготела к широкому усмотрению властных участников предварительного расследования (допущению ими элементов процессуального произвола), развитию практики допросов подозреваемых и получению их показаний в свободной уголовно-процессуальной форме. Говорить о недопустимости показаний подозреваемого при таком регулировании было идеологически неприемлемым. Получение показаний подозреваемого могло рассматриваться как процессуальный идеал, позволяющий властным участникам правоотношений, представляющим интересы господствующей социальной группы, собирать доказательственную информацию из самого осведомленного источника. Для этого имелась соответствующая нормативная основа. Дело в том, что принципиальным правилом для правоприменения был запрет замедления производства по делу или отдельных процессуальных действий из-за неполноты или неясности закона (ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР 1923 г.). Основным ориентиром толкования уголовно-процессуального закона в такой ситуации могло считаться доминирование этатистского интереса Советского государства и его следственных органов (ст. 3, 7, 9, 23 Конституции РСФСР 1918 г.) над личным интересом участника уголовного судопроизводства.

При этом УПК РСФСР 1923 г. предусматривал процедуру получения показаний обвиняемого — допроса обвиняемого, упоминал даже его основной элемент — вопросы (ст. 134–142); следуя этой процедуре, можно было (при со-

⁴ См.: Васильев А. А. [и др.]. Консервативная правовая идеология России: сущность и государственно-правовой идеал : монография / под ред. А. А. Васильева. М., 2016. С. 38, 51.

⁵ Воскобитова Л. А. Указ. соч. С. 19, 21.

блюдении порядка предъявления обвинения) допросить преследуемое лицо в качестве обвиняемого. Опираясь на это, Прокурор СССР в циркуляре от 05.06.1937 № 41/26 фактически вводил запрет допроса подозреваемого (получение показаний подозреваемого), а сам допрос преследуемого лица в качестве подозреваемого называл *недопустимым* явлением⁶.

Для подчеркивания идеологического вектора важно отметить, что принцип, предусматривающий презумпцию невиновности обвиняемого (подозреваемого), в анализируемом законе отсутствовал. Это указывало на главенствующую идею нормативного регулирования, ставящую в центр публичный интерес, определяемый властвующей социальной группой.

В теории уголовного процесса инициирование дискуссии о процессуальном положении подозреваемого как раз связано с данным периодом. Так, Л. М. Карнеева в работе 1954 г. обосновывала статус подозреваемого недостаточностью доказательств для предъявления обвинения и необходимостью задавать «свидетелю» (предполагаемому обвиняемому) уличающие вопросы⁷. Очевидно, что в советской науке возникла идея процессуального порядка, преодолевающего недоказанность причастности (виновности и т.д.) преследуемого лица, и предлагался способ доказывания, основываемый на использовании подозреваемого как источника обвинительных доказательств. Базовое положение для регулирования статуса подозреваемого, таким образом, не коррелировалось с бременем доказывания вины стороной обвинения, что проявлялось в постановке подозреваемому в ходе допроса вопросов обвинительного характера.

М. С. Строгович, присоединяясь к дискуссии, наоборот, писал о тавтологичности определения Л. М. Карнеевой статуса подозреваемого; критиковал возможность постановки вопросов обвинительного характера, ставящего участника предварительного расследования в положение подозреваемого; указывал на потребность не получения показаний подозреваемого, а собирания иных «объективных доказательств»;

усматривал причину допроса подозреваемого в «не изжитой полностью переоценке сознания обвиняемого как доказательства»⁸. Процедура получения доказательственных сведений от подозреваемого для данного автора виделась, вероятно, идеологически неприемлемой. Подозреваемый в ситуации недостаточности доказательств не должен являться источником обвинительных доказательств, иное провоцировало к произвольному расширению полномочий следователя в этой части — возможности инверсии им функции обвинения на подозреваемого. По этой причине в позиции данного авторитетного ученого мы усматриваем интенцию о недопустимости процессуального действия для получения обвинительного доказательства и недопустимости получаемого процессуального результата (недопустимости показаний подозреваемого).

Приведенное толкование взглядов М. С. Строговича может предполагаться с определенной долей вероятности, поскольку нормы ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г. содержали иную идеологическую установку о подавлении отдельных социальных групп, лишении их ряда субъективных прав, что могло относиться и к преследуемым в уголовном порядке лицам. Вряд ли М. С. Строгович мог публично заявлять противоречащую этой установке радикальную позицию. В обоснование нашего суждения сошлемся, однако, на его высказывание о том, что устные показания подозреваемого в суде использованы быть не могут, а показания подозреваемого, полученные в досудебном производстве, должны проверяться в ходе судебного допроса подсудимого или свидетеля (в зависимости от того статуса, в который трансформировался статус подозреваемого), делая общий вывод о недопустимости расширения понятия подозреваемого и предмета его допроса⁹. Не связывая в этом случае показания подозреваемого и его процессуальное положение с регулятивной ролью презумпции невиновности, М. С. Строгович в качестве аргумента ссылался на необходимость обеспечения в уголовном судопроизводстве доброго «имени советского гражданина»¹⁰. Указанное можно рассматривать как эпигенез нормы о

⁶ См.: Сборник приказов Прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 декабря 1938 г. / сост. Б. И. Солерс и Д. И. Орлов ; под ред. А. Я. Вышинского. М., 1939. С. 154.

⁷ См.: Карнеева Л. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 12. С. 19, 21.

⁸ Строгович М. О подозреваемом // Социалистическая законность. 1961. № 2. С. 34, 36.

⁹ См.: Строгович М. О подозреваемом. С. 38.

¹⁰ См.: Строгович М. О подозреваемом. С. 35.

презумпции невиновности, который должен входить в комплекс нормативных правил об оценке показаний преследуемого лица. Идеологически это было имманентным элементом правосознания данного ученого.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. следовал государственной идеологии, соответствующей идеологии периода действия УПК РСФСР 1923 г. Данный закон рассматривал подозреваемого в качестве участника уголовного процесса, не выделяя для него, однако, функциональных особенностей, присущих его процессуальному положению, который имел право давать объяснения (ч. 2 ст. 52), но только показания подозреваемого рассматривались как доказательства (ч. 2 ст. 69), их предмет ограничивался основаниями задержания и заключения под стражу, при этом дача показаний являлась правом подозреваемого (ст. 76).

Советский законодатель не помещал порядок допроса подозреваемого в главы УПК РСФСР 1960 г. о предварительном следствии, о следственных действиях. Регулирование порядка допроса подозреваемого (процедуры получения его показаний — формы, из которой при толковании можно извлекать качество допустимости показания), содержалось в главе «Дознание». Правило о презумпции невиновности в законе отсутствовало, как и распределение бремени доказывания. Ввиду отсутствия сторон в уголовном процессе обязанность доказывания размывалась во множестве статусов участников с различными процессуальными интересами.

Доктрина уголовного процесса и правовая идеология периода действия УПК РСФСР 1960 г., определявшие тенденции развития науки, в значительной части были зависимы от норм закона. Так, Б. А. Галкин придерживался точки зрения о том, что идеал состязательности совершенно не присущ конструкции советского уголовно-процессуального закона¹¹. Отрицание идеи состязательности исключало необходимость выделения уголовно-процессуальных функций, а в соответствии с этим и обособленных друг от друга сторон. Совокупность научных идей, определявших сущность уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, включала пространное суждение о том, что при производстве по уголовному делу в досудебных

стадиях может возникать ситуация отсутствия доказательств, препятствующая предъявлению обвинения преследуемому лицу, но «*интересы дела* требуют принятия к нему» мер уголовно-процессуального принуждения¹². В позиции данного автора мы видим советский экстракт понимания публичности уголовного процесса. Указанные интересы дела являлись доминирующим интересом, сопровождаемым игнорированием сохранявшейся и в то время в науке идеи о презумпции невиновности, требующей распределения бремени доказывания.

Показания подозреваемого в такой интерпретации являлись знаком того, что субъекты уголовного преследования часто не обладали достаточными надлежащими доказательствами, по этой причине не имели процессуальной возможности сформулировать обвинительный тезис и инкриминировать его преследуемому лицу, поэтому прагматично стремились рассматривать подозреваемого в качестве средства для получения обвинительных доказательств.

Советская правовая идеология увязывала совокупность идей, ее образующих, с волей господствующего класса. В содержании этой публично заявляемой воли не учитывался личный интерес преследуемого в уголовном судопроизводстве человека. В связи с этим другой ученый-процессуалист утверждал, что «презумпция невиновности исходит из интересов личности, а у нас в основе процесса лежат *интересы государства*»¹³. Это блокировало идею об использовании презумпции невиновности как необходимого элемента уголовно-процессуальной формы, учитываемого при оценке качества личного доказательства. Законом предполагалась добропорядочность лица, осуществляющего предварительное расследование, а показания подозреваемого, таким образом, получали качество допустимого доказательства изначально. Реализованный в законе тип процесса позволял это.

Иной идеологической установкой в рассматриваемый период придерживался М. С. Строгович, который не считал показания подозреваемого надлежащим доказательством. Ученый видел презумпцию невиновности в качестве принципа уголовного процесса, не считал подозреваемого обязательным участником уголовного процесса, исключал переложение

¹¹ См.: Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. С. 194.

¹² Галкин Б. А. Указ. соч. С. 204.

¹³ Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960. С. 122.

бремени доказывания на преследуемое лицо¹⁴. У М. С. Строговича мы наблюдаем достаточную последовательность и гармоничность его идей, которые могут согласовываться и с современной научной идеологией. Основой этого подхода является разделение участников уголовного процесса на носителей различных функций. Это разделение влечет необходимость возложения обязанности по доказыванию на лиц, осуществляющих уголовное преследование (лиц, являющихся носителями функции обвинения); подозреваемый ни в коем случае носителем такой функции признаваться не может. Он с очевидностью является носителем функции защиты, на которого бремя доказывания (функция самообвинения) возлагаться не может. Подобные суждения стали активно проявляться в науке на заключительном этапе действия УПК РСФСР 1960 г.

Современный уголовно-процессуальный закон реализует иные идеологические установки, отличные от советских. Основанием так считать является следующее.

Во-первых, Конституция РФ установила идеологический плюрализм (ч. 1, 2 ст. 13), допуская тем самым легальную возможность существования в науке некоего множества правовых идеологий, базирующихся на различных научных идеалах. Идеологическое многообразие ныне не требует следования одной (этатистской) идее, что было присуще советскому периоду развития науки уголовного процесса.

Во-вторых, действующий УПК РФ содержит нормы о презумпции невиновности (ч. 1 ст. 14); о возложении бремени доказывания на сторону обвинения как следствии презумпции невиновности (ч. 2 ст. 14); о разделении участников уголовного процесса в зависимости от реализуемой функции с запретом совмещения функций (ч. 2 ст. 15); о введении положений о недопустимости доказательств (ч. 1 ст. 75) и др.

Невластный участник уголовно-процессуальных отношений — подозреваемый — в системе этих норм занимает совершенно иное положение. Он носитель функции защиты, не обязанный участвовать в доказывании собственной вины. Порядок уголовного судопроизводства определяется этой функцией, исключающей ее смешение с функцией обвинения. Указанное

образует нормативную конструкцию, позволяющую оценить показания подозреваемого на основе правил состязательного типа процесса. Критерий допустимости показаний подозреваемого в этом случае увязывается с процессуальным порядком, учитывающим различие процессуальных функций.

При этом современный законодатель, к сожалению, сохранил сходную с предыдущей модель регулирования процедуры допроса подозреваемого (ч. 2 ст. 74, ч. 4 ст. 92 УПК РФ). Однако, как и в прежних кодексах, допрос подозреваемого не рассматривается как элемент следственных действий, сосредоточенных в главах о предварительном расследовании и собирании доказательств, а помещен в главу, раскрывающую одну из мер уголовно-процессуального принуждения — задержание. На данном этапе производства по уголовному делу пресекается противоправная деятельность, но упорядоченное доказывание не производится. Ожидать от этого этапа (с точки зрения формальных правил оценки доказательств) начала формирования личного доказательства не совсем уместно, что соответствует современной правовой идеологии и требует иного подхода к определению качества показаний подозреваемого. Именно это мы учитывали в критикуемой И. А. Зинченко статье.

В российском правоведении правила о недопустимости показаний могут рассматриваться как проявление системы формальной оценки доказательств. Правила о недопустимости — формальная система, которая может увязываться с формальными средствами доказывания. Если это так, то в формальных правилах оценки доказательств мы должны исходить из принципа законности, а соответственно, из порядка формирования доказательств, основанного на функциональном разделении. Это касается и показаний подозреваемого.

Ряд современных исследователей доказательственного права указывают, как мы полагаем — вполне обоснованно, на необходимость различения понятия доказательств как сведений и источников доказательств¹⁵. Методологически различие между показаниями подозреваемого и самим подозреваемым как источником доказательственной информации

¹⁴ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. С. 147, 238, 350.

¹⁵ См.: *Попов А. П.* [и др.]. Проблемы современного доказательственного права в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 172–177.

является необходимым. Показания подозреваемого сегодня должны рассматриваться с учетом особого процессуального положения данного участника предварительного расследования, связанного с современными принципами уголовного процесса. В этом смысле правовой идеологии, определившей содержание доказательственного права.

Если в советской теории уголовного процесса, что мы отметили в позиции Л. М. Карнеевой, ретроспективное познание события, являющегося объектом предварительного расследования, допускалось и посредством показаний подозреваемого, то в российской науке мы наблюдаем обратное. Так, А. Г. Зверев, изучающий именно допустимость показаний подозреваемого, в первую очередь выявляет интересную (в качестве аргумента нашей позиции) эмпирику. Он констатирует, что 58 % показаний подозреваемых, реально получаемых на практике, представляют собой обвинительный вид доказательств. Подозреваемые, таким образом, являются источниками доказательств, уличающих их в содеянном правонарушении¹⁶. Обосновывая актуальность своей работы, А. Г. Зверев пишет, что в ходе допросов подозреваемых допускаются «массовые нарушения» порядка проведения данного процессуального действия¹⁷. Наши исследования не противоречат позиции указанного автора. Фактически правоприменительная практика следует консервативной установке на получение показаний подозреваемого как обвинительного доказательства против него же. Подобное не противоречило идеологии периода действия УПК РСФСР 1923 и 1960 гг., но сохранение этой практики сегодня не согласуется с современной идеологией.

В теории уголовного процесса фиксируется, что показания подозреваемых свидетельствуют о парадоксальной распространенности в них юридического языка, на котором, как предполагается, подозреваемые коммуницируют со следователем; языковых единиц и фраз, семантически близких к языку учебников по криминалистике (их разделов о криминали-

стической тактике)¹⁸, что есть знаки юридического профессионального правосознания (не правосознания подозреваемого). Очевидно, что процедура получения показаний подозреваемого преимущественно определяется процессуальным интересом лица, осуществляющего уголовное преследование, проявляющимся в логической связке «процессуальная задача допроса подозреваемого» — «процессуальный результат допроса подозреваемого (показания подозреваемого)», влекущим обвинительное содержание показаний подозреваемого. Такие показания проявляют процессуальную функцию и статус следователя как участника со стороны обвинения, но парадоксально приписываются подозреваемому. Указанное, как мы полагаем, контрарно идеологии действующего УПК РФ. Реализуя собственную уголовно-процессуальную активность, подозреваемый мог бы это делать через процедуру дачи объяснений.

Еще в 1946 г. М. С. Строгович указывал на то, что явным нарушением правил доказывания является использование сомнительного аргумента или аргумента, который сам по себе подлежит доказыванию¹⁹. Подтверждение подозрения показаниями подозреваемого, использование этих показаний в качестве аргумента, подтверждающего тезис (подозрение), сегодня идеологически невозможно.

Заключение

Возвращаясь к позиции Л. А. Воскобитовой, приведенной в начале настоящей статьи, следует признать, что идеологический фактор влияет на уголовно-процессуальное правопонимание. В связи с этим недопустимость показаний подозреваемого есть следствие реализации идеологических установок, закрепленных в конституционных нормах и принципах уголовного процесса. Недопустимость рассматриваемого личного доказательства сегодня детерминируется положениями о презумпции невиновности и о бремени доказывания, о состязательности уголовного процесса и разделении уголовно-

¹⁶ См.: Зверев А. Г. Допустимость показаний подозреваемого в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 12–13.

¹⁷ Зверев А. Г. Указ. соч. С. 3.

¹⁸ См.: Попов А. А. Получение объяснений и показаний в уголовном процессе Российской Федерации : результаты компаративистского исследования досудебного производства : монография. Пятигорск, 2015. С. 104.

¹⁹ Строгович М. С. Логика : учеб. пособие для слушателей ВЮА КА. М., 1946. С. 232–233.

процессуальных статусов в зависимости от выполняемых уголовно-процессуальных функций; содержанием уголовно-процессуальной активности в форме вопросов подозреваемому. Эти факторы отсутствовали в советском законодательстве.

Формирование судебных доказательств в состязательном типе процесса связывается со стадией судебного разбирательства и ее итоговым решением. Оправдательный приговор, сохраняя в силе презумпцию невиновности, сохраняет и качество недопустимости доказательств, представленных стороной обвинения. Именно в приговоре каждое доказательство получает надлежащую оценку. Государственный обвинитель, осуществляя возложенное на него бремя доказывания вины, одновременно доказывает и качество представляемых им доказательств (их допустимость).

Обвинительный приговор, трансформируя презумпцию невиновности в презумпцию истинности приговора, придает использованным для его обоснования доказательствам качество допустимости. Допустимость показаний подозреваемого, как любых личных доказательств, должна вытекать из понимания линейной конструкции правоприменения — недопустимости показаний (презюмируемой невиновности), преобразуемой в допустимость показаний и презумпцию истинности приговора, но не наоборот (презюмируемой виновности и допустимости доказательств этого). Последнее предрешает всё и не требует как минимум основанного на состязательном типе уголовного судопроизводства как такового.

В ходе оценки показаний подозреваемого, таким образом, должно учитываться соблюдение или несоблюдение не только уголовно-процессуальной формы (порядка допроса подозреваемого), но и положений ст. 14 УПК РФ, также образующих эталонную процессуальную форму, сравнение с которой позволяет констатировать качество допустимости оцениваемого доказательства. Если подозреваемый, являясь носителем функции защиты, действуя в личном интересе, не отвечал на вопросы защитника, который, согласно идеалу состязательного типа

процесса, должен вести этот допрос первым, то процедуры допроса фактически нет, нет и показаний, отвечающих критерию допустимости. Это мы также предполагали в критикуемой И. А. Зинченко статье.

Указанные выше идеи современного законодательства России (о персонцентристском характере Конституции РФ, состязательности уголовного судопроизводства и т.д.), масштабируясь до уровня вопросов в допросе подозреваемого, определяют качество недопустимости показаний подозреваемого. Следовательно, задавая подозреваемому вопросы обвинительного характера, относимые к предмету доказывания, нарушает уголовно-процессуальную форму (инверсирует функцию обвинения). Ответы на такие вопросы содержат сведения, доказывающие вину того же подозреваемого. При этом следователь выходит за пределы допроса подозреваемого, предметом которого (предметом вопросов в допросе) предполагаются основание задержания, основание применения меры пресечения и т.д. Массовость нарушений прав подозреваемых, отмечаемая А. Г. Зверевым, связана, по нашему мнению, с этим явлением.

Бремя доказывания вины подозреваемого лежит на следователе. В этом суть процессуальной деятельности стороны обвинения в состязательном типе процесса. Подозреваемый в силу реализуемой им функции и преследуемого процессуального интереса использует свои показания для защиты. Использование же показаний подозреваемого, как правильно отмечал М. С. Строгович, для подтверждения подозрения — недопустимый парадокс.

Сохраняя эклектическую конструкцию уголовно-процессуального закона, в которой досудебное производство не отвечает критериям состязательного типа процесса, мы оказываемся в процедурном тупике использования доказательств, формирование которых начато в досудебном производстве. В случае оглашения показаний подозреваемого в судебном следствии мы должны соотносить их с критериями допустимости, содержащимися в состязательном типе процесса, и идеями, заложенными в его основу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев А. А. [и др.] Консервативная правовая идеология России: сущность и государственно-правовой идеал : монография / под ред. А. А. Васильева. М., 2016. 261 с.
- Воскобитова Л. А. От идеологии ведомственных интересов к идеологии Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 18–21.
- Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. 255 с.
- Зверев А. Г. Допустимость показаний подозреваемого в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 22 с.
- Зинченко И. А. Заметки по поводу дискуссий об основаниях, влекущих недопустимость показаний в уголовно-процессуальном праве // Российский следователь. 2023. № 6. С. 20–24.
- Карнеева Л. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 12. С. 19–21.
- Матвеев С. В. Актуальные проблемы допустимости показаний несовершеннолетних свидетелей в уголовном и гражданском судопроизводстве России // Lex russica (Русский закон). 2006. Т. 65. № 5. С. 936–942.
- Попов А. А. Получение объяснений и показаний в уголовном процессе Российской Федерации : результаты компаративистского исследования досудебного производства : монография. Пятигорск, 2015. 199 с.
- Попов А. П. [и др.] Проблемы современного доказательственного права в уголовном процессе // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 172–177.
- Строгович М. О подозреваемом // Социалистическая законность. 1961. № 2. С. 33–38.
- Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. 470 с.
- Строгович М. С. Логика : учеб. пособие для слушателей ВЮА КА. М., 1946. 248 с.
- Терехин В. В. Идеологические нюансы формирования и применения стандарта допустимости доказательств в уголовном процессе // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 48–54.
- Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960. 171 с.

REFERENCES

- Galkin BA. The Soviet Criminal Procedure Law. Moscow; 1962. (In Russ.).
- Karneeva L. Protsessualnoe polozhenie podozrevaemogo v svyazi s proektom UPK SSSR [The procedural standing of the suspect under the draft Code of Criminal Procedure of the USSR]. *Sotsialisticheskaya zakonnost' [Socialist legality]*. 1954;12:19-21. (In Russ.).
- Matveev SV. Actual problems of the admissibility of testimony of minor witnesses in criminal and civil proceedings in Russia. *Lex russica*. 2006;65(5):936-942. (In Russ.).
- Popov AA. Obtaining explanations and testimony in the criminal process of the Russian Federation: A comparative study of pre-trial proceedings. Pyatigorsk; 2015. (In Russ.).
- Popov AP, et al. Problems of modern evidentiary law in criminal proceedings. *Gaps in Russian Legislation*. 2012;6:172-177. (In Russ.).
- Strogovich M. About the suspect. *Sotsialisticheskaya zakonnost' [Socialist legality]*. 1961;2:33-38. (In Russ.).
- Strogovich MS. Logics. Study-guide for students of the Red Army Academy of Military Law. Moscow; 1946. (In Russ.).
- Strogovich MS. The course of the Soviet criminal trial. In 2 vols. Vol. 1: The main provisions of the science of the Soviet criminal process. Moscow; 1968. (In Russ.).
- Terekhin VV. Ideological nuances of formation and standard's application for evidences' admissibility in criminal process. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;1(45):48-54. (In Russ.).
- Vasiliev AA, et al. The conservative legal ideology of Russia: the essence and the state law ideal. Moscow; 2016. (In Russ.).
- Voskobitova LA. From the departmental interests' ideology to the Russian Federation Constitution's ideology and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. *Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii [Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia]*. 2018;1(45):18-21. (In Russ.).

Yakub ML. Democratic Foundations of the Soviet Criminal Procedure Law. Moscow; 1960. (In Russ.).

Zinchenko IA. Notes to discussions on the grounds for inadmissibility of testimony in the criminal procedure law. *The Russian Investigator*. 2023;6:20-24. (In Russ.).

Zverev AG. The admissibility of the testimony of the suspect in the Russian criminal trial: Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Rostov-on-Don; 2006. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зашляпин Леонид Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия
д. 5, Александровский парк, г. Санкт-Петербург 197046, Российская Федерация
leonid.zashlyapin@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid A. Zashlyapin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation
leonid.zashlyapin@gmail.com

Материал поступил в редакцию 16 ноября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 8 января 2024 г.

Принята к печати 12 февраля 2024 г.

Received 16.11.2023.

Revised 08.01.2024.

Accepted 12.02.2024.